

УДК 316.42

DOI 10.18522/2227-8656.2022.2.2

Тип статьи в журнале – научная

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
НЕФОРМАЛЬНОГО
РЕГИОНАЛЬНОГО
ЛОББИЗМА
В УСЛОВИЯХ МОДЕЛИ
«ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ»**

**SOCIAL PRACTICES
OF INFORMAL REGIONAL
LOBBYING IN THE
CONDITIONS
OF “CORE-PERIPHERY”
MODEL**

© 2022 г.

Г. Г. Силласте*,
А. С. Арутюнян*

© 2022

G. G. Sillaste*,
A. S. Arutyunyan*

* Финансовый университет
при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия

* Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

Цель исследования: рассматривается развитие феномена неформального лоббизма в регионах глобализации и социальные практики регионального лоббизма в защите социальных интересов региональных элит в условиях глобализации.

Objective of the study: the article examines the development of the phenomenon of informal lobbying in the regions of globalization and the social practices of regional lobbying in protecting the social interests of regional elites in the context of globalization.

Методологическая база исследования. Характер взаимодействия между группами рассматривается с позиций концепции Э. Шилза «центр – периферия» в условиях неравенства финансово-экономических возможностей развития регионов.

Methodological basis of the research. The nature of interaction between groups is considered from the standpoint of E. Shils' concept of “center-periphery” in conditions of inequality of financial and economic opportunities for the development of regions.

Результаты исследования. Трансформация социальной структуры анализируется как фактор возникновения неформального лоббизма, который представлен в качестве практик и технологий продвижения социальных интересов со стороны определенных региональных социальных и экономических групп.

Research results. The transformation of the social structure is analyzed as a factor in the emergence of informal lobbying, which is presented as practices and technologies for promoting social interests by certain regional social and economic groups.

Перспективы исследования связаны с авторской попыткой отойти от традиционного социально-стратификационного подхода по элементам социальной группы и вести кри-

Prospects of the study are connected with the author's attempt to move away from the traditional socio-stratification approach by elements of a social group and to conduct a criterion of

терий социально-экономической дифференциации регионов по уровню их экономической независимости в своем развитии, учитывая критерии дотационности или, напротив, донорства российских регионов. Такой критерий позволяет использовать принципы экономической социологии в анализе неформального лоббизма как социального явления, развивающегося в России не только в сфере политики, но и шире – в системе социального управления региональным развитием и его социологической диагностики.

Ключевые слова: «центр – периферия», дотационные регионы, регионы-доноры, неформальный лоббизм, санкции, социальные практики

socio-economic differentiation of regions by the level of their economic independence in their development, taking into account the criteria of subsidization or, on the contrary, donation of Russian regions. This criterion makes it possible to use the principles of economic sociology in the analysis of informal lobbying as a social phenomenon developing in Russia not only in the field of politics, but also more broadly – in the system of social management of regional development and its sociological diagnostics.

Key words: “core-periphery”, subsidized regions, donor regions, informal lobbying, sanctions, social practices.

Изменения в динамике социального времени. Российское общество на протяжении 30 лет развивается в состоянии экономической неопределенности и социальных транзаций, итогом которых стала экономическая неустойчивость, вызываемая бесконечной сменой экономических преобразований, обеднение российских регионов и понижение уровня и качества жизни населения. В российской экономике образовалось специфическое «коромысло» диспропорциональности двух групп регионов: 1) регионы-доноры, которые мы определяем как группу самостоятельного экономического развития; 2) дотационная группа регионов (экономически зависимые), которые не могут развиваться самостоятельно без финансовой поддержки центра, т. е. без дополнительных финансовых вливаний из федерального бюджета. О разрыве между двумя «плечами» этого «коромысла» можно судить по следующему факту: сегодня в российской экономике, сильно зависимой от экономики глобальной, группа регионов-доноров (группа экономической региональной самостоятельности) против групп регионов экономической зависимости («дотационщики») составляет 15,7 %. Отмечается укоренившаяся тенденция, при которой дотационные регионы демонстрируют рост доходов региональных бюджетов, но при этом они так и остаются в числе регионов-аутсайдеров.

Возникает вопрос, в какой мере федеральный бюджет способен выдерживать региональное давление недостающего финансирования? При этом учтем, что это не просто экономический показатель, он имеет прямое социальное воздействие на жизнь населения всех дотационных регионов. Можно сказать, что чем полнее федеральный центр восполня-

ет своими дотациями финансовую недостаточность региональных бюджетов, тем больше шансов на социальную стабильность региона и отсутствие в нем резких социально-протестных настроений. Это имеет особое значение в период подготовки общества к очередному электоральному дефилю, когда вступающие в электоральную борьбу претенденты пытаются найти притягательные для населения своих регионов мотивы поддержки своих программ и себя лично.

В условиях глобализма проблема взаимодействия и взаимоотношений центра и периферии (иначе говоря, центральных и региональных органов власти) является одной из ключевых задач формирования устойчивой экономики. Так, по данным «Левада-центра», уровень институционального доверия населения к региональным (краевым, республиканским) органам власти составил 72 % (позиции доверяющих полностью и отчасти). Напротив, группа полного недоверия составила 21 % (Доверие институтам, 2020). Надо отметить, что это большое позитивное смещение оценок доверия населения региональным органам власти на протяжении последних 10 лет.

Обращаясь к концепции «центр – периферия» И. Валлерстайна, который ввел понятие «полупериферия» (Валлерстайн, 2001), можно это понятие интегрировать в российский анализ отношений центра и периферии. Учитывая неординарную масштабность социального, территориального, экономического пространства России, такая теоретическая интеграция не противоречит теории И. Валлерстайна. Более того, развивая его в российском контексте, мы рассматриваем Россию как своеобразную политэкономическую мир-систему, являющуюся частью глобальной мир-системы.

Обеспечение экономического развития этой части мир-системы происходит в процессе взаимодействия триады: федеральный центр – полупериферии – периферии. В таком случае из групп регионов экономической зависимости целесообразно выделить группу, обладающую относительно более высокими показателями экономического развития, чем самый нижний уровень, т. е. дотационных регионов (периферийный).

Эта российская полупериферия обладает более высоким экономическим запасом прочности в своем развитии, чем группа устойчиво дотационных регионов, требующих постоянно высокой финансовой поддержки. С этих позиций российские регионы можно разделить на 3 типологические группы: экономически самостоятельные (центр, табл. 1); экономически переменнo-зависимые (полупериферия, табл. 2) и экономически устойчиво зависимые (периферия, рис. 1).

Таблица 1

Крупнейшие экономически самостоятельные регионы группы «центр» и ее статистические характеристики¹

ЦЕНТР							
	2018	2019	2020	2020	Темпы роста, %		Разница темпов роста, %
	млрд руб.			Доли, %	2019/2018	2020/2019	
Москва	2 291,0	2 614,6	2 909,9	41,9	14,1	11,3	-2,8
Московская область	690,1	773,5	858,4	12,4	12,1	11,0	-1,1
Санкт-Петербург	585,7	669,8	743,7	10,7	14,4	11,0	-3,3
Татарстан	321,7	366,6	382,6	5,5	13,9	4,4	-9,6
Свердловская область	307	355,7	372,5	5,4	15,9	4,7	-11,1
ХМАО - Югра	257,4	358,9	353,4	5,1	39,4	-1,5	-41,0
ЯНАО	196,7	250,3	274,1	3,9	27,3	9,5	-17,8
Тюменская область	173,9	246,7	262,2	3,8	41,9	6,3	-35,7
Самарская область	211,1	234,5	252,4	3,6	11,0	7,7	-3,4
Сахалинская область	140	168,5	217,1	3,1	20,4	28,8	8,5
Другие 3 региона-донора	249,4	310,8	322,1	4,6	24,6	3,6	-21,0
ИТОГО	5 424,0	6 349,9	6 948,4	100,0	17,1	9,4	-7,6

Как свидетельствуют приведенные выше показатели, особого внимания заслуживает показатель темпов роста. Из всех регионов данной группы самый высокий положительный темп роста (8,5 %) демонстрирует только Сахалинская область. Что значит отрицательный темп роста, который демонстрирует абсолютное большинство регионов данной группы?

Это значит, что за последние два года темпы роста в регионах-донорах упали. Причем падение это неравномерное, т. е. в каждом регионе свое и находится в широком диапазоне: от -41 % в ХМАО (Югра), до 2,8 в Москве и всего -1,1 % в Московской области. Падение темпов роста, учитывая специфику глобального распространения коронавирусной эпидемии, вполне объяснимо: это явление характерно в целом для глобальной экономики в экстремальный период распространения эпидемии, что в полной мере сказалось на развитии региональных экономик. Однако учтем, что даже в этих экстремальных условиях группа экономически самостоятельных регионов (центр) сохраняла темпы роста своих экономик. Это характерно и для второй группы регионов, так называемой полупериферии, в которую вошли регионы экономически переменено-зависимые (табл. 2).

¹ Расчеты произведены на основе данных Федерального казначейства РФ.

Таблица 2

**Крупнейшие экономически устойчивые регионы группы
«полупериферия» и ее статистические характеристики¹**

ПОЛУПЕРИФЕРИЯ							
	2018	2019	2020	2020	Темпы роста, %		Разница темпов роста, %
	млрд руб.			Доли, %	2019/2018	2020/2019	
Краснодарский край	346,8	377,8	434,9	17,3	9,0	15,1	6,2
Красноярский край	285,9	326,1	381,1	15,1	14,1	16,9	2,8
Пермский край	171,9	189,2	219,3	8,7	10,1	15,9	5,8
Архангельская область	101,2	114,9	130,6	5,2	13,5	13,7	0,2
Мурманская область	86,2	98,3	118,5	4,7	14,0	20,6	6,7
Чеченская Республика	89,9	96,3	114,7	4,6	7,2	19,1	12,0
Забайкальский край	72,5	87,4	107,4	4,3	20,6	22,8	2,2
Амурская область	69,3	78,8	97,8	3,9	20,6	24,0	10,4
Бурятия	69,5	80,4	96,9	3,8	15,7	20,6	4,9
Тверская область	80,2	87,5	96,1	3,8	9,1	9,8	0,7
Другие 14 дотационных регионов	570,7	631,7	723,4	28,7	10,7	14,5	3,8
ИТОГО	1 944,1	2 168,4	2 520,7	100,0	11,5	16,2	4,7

Эту группу в общей сложности составили 24 региона. Характерная особенность данной группы состоит в том, что они сохранили темпы своего роста доходов, хотя и очень незначительные: от 0,2 (Архангельская область) и 0,7 % (Тверская область) до 10,4 (Амурская область) и 12,0 % (Чеченская Республика).

Для группы «полупериферия» характерны неустойчивость темпов роста и доходов региона, которые приводят к двум альтернативным результатам: либо регион сохраняет свои позиции в группе экономически зависимых регионов, либо переходит в группу экономически самостоятельных регионов, т. е. доноров. Подобные колебания делают группу «полупериферия» плавающей между двумя крайними группами: «центр» и «периферия». Но очевидно и другое: полупериферийная региональная группа является резервом для укрепления группы регионов-доноров, т. е. экономически самостоятельных регионов.

Что касается регионов периферии, в эту группу вошли 46 регионов, из которых 10 наиболее крупных по доходам отражены на рис. 1.

Что характерно для группы «периферия»? Прежде всего, устойчиво отрицательные темпы роста. Причем диапазон темпов роста доходов регионов колеблется в большом диапазоне – от -0,9 % в Крыму до -24,9 в Кемеровской области с промежуточно-серединным показателем в Челябинской области (-11,6 %).

¹ Расчеты произведены на основе данных Федерального казначейства РФ.

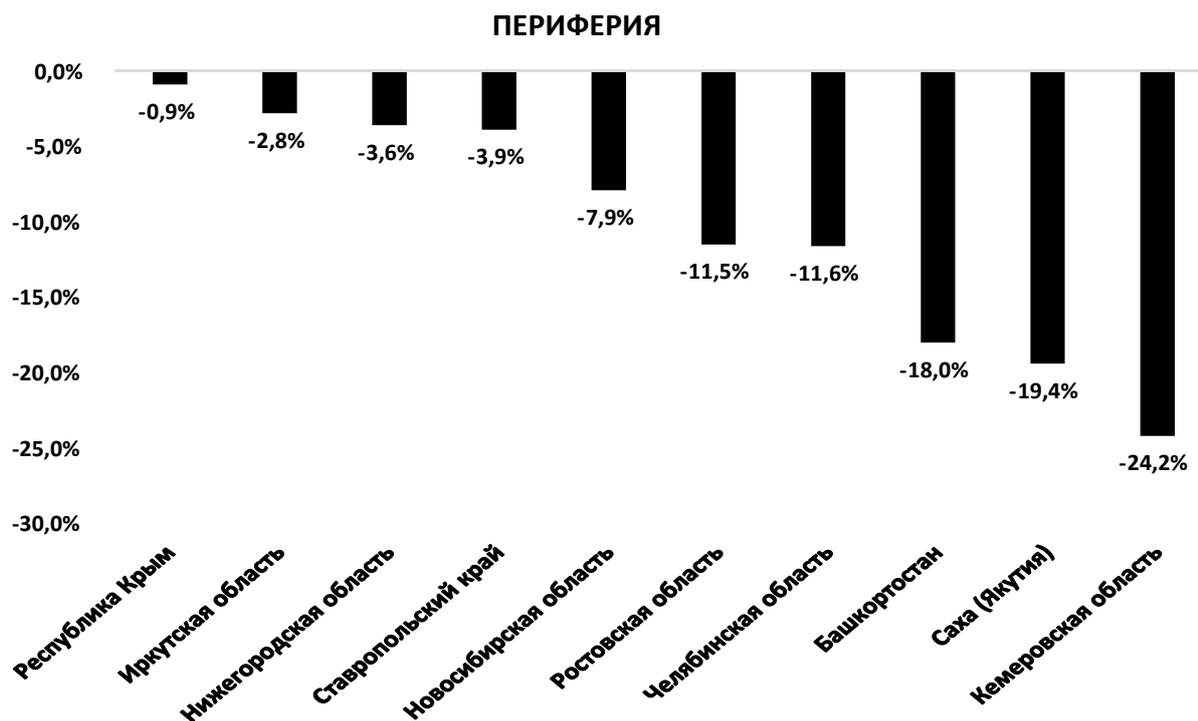

Рис. 1. Темпы роста крупнейших экономически зависимых регионов группы «периферия» и ее статистические характеристики (10 наиболее крупных по доходам дотационных регионов)¹

Регионы периферии практически из состояния дотационных регионов не выходят. Они являются для регионов-доноров центра постоянной финансовой нагрузкой, требующей отчислений в развитие регионов периферии. Сократить данную группу, видимо, возможно только на основе укрепления экономического развития регионов за счет их социально-территориальной специфики. Ведь в структуре этих регионов доминируют экономические субъекты, обладающие серьезными промышленно-производственным ресурсами: Кемеровская область (центр угольной промышленности РФ), Саха (край, недры которого содержат алмазы, золото, серебро и др.), Башкортостан (нефть, природный газ, железная руда и др.), Ставропольский край и Ростовская область (крупнейшие промышленно-аграрные регионы России) и т. д. Невольно возникает вопрос, откуда это противоречие между высоким промышленно-экономическим потенциалом развития этих регионов, с одной стороны, и реальным состоянием региональных «бедняков» и дотационных заемщиков – с другой. Есть о чем думать и что решать центральным органам экономического управления.

¹ Расчеты произведены на основе данных Федерального казначейства РФ.

Не будем касаться экономических механизмов и финансовых технологий, позволяющих добиться прогрессивного экономического эффекта в балансе триады центр – полупериферия – периферия, оставим эту зону ответственности нашим опытным финансистам. В то же время отметим, что защита региональных интересов и с экономической, и с политической точки зрения всегда будет в центре не только электоральной борьбы, но и повседневной лоббистской практики в защите социальных интересов со стороны региональных элит. Это борьба никогда не будет открытой и доступной для регулятивного вмешательства со стороны центра, так как элиты защищают свои социальные интересы скрытым путем в неформальных рамках.

На этой социально-экономической платформе борьбы региональных элит можно выделить два уровня активных социальных действий. Верхний уровень (внешний) связан с применением различных мер финансовой поддержки региона. Это делать не так сложно, потому что рычагом воздействия является открытый, легальный статус должностного лица, которому по должностным обязанностям предписано защищать интересы и права региона.

Однако то, что касается нижнего уровня, т. е. внутреннего, по сути межличностного и «межкабинетного», то это уровень скрытый, не предполагающий огласки действий субъектов региональной политики, а активно использующий методы непризнанного в России лоббизма.

О лоббизме, которого в России «нет» и который активно используется. Взаимоотношения между региональными и федеральными элитами традиционно носят вертикальный характер. Решающая роль в этом принадлежит властным элитам. Элиты (от фр. *Élite*) – это небольшая группа людей, находящаяся у власти в той или иной сфере управленческой деятельности. Чаще всего категория элит ассоциируется именно с властной элитой, хотя элита присутствует в любой сфере жизнедеятельности на уровнях, связанных с доступом к власти и ресурсам.

В постиндустриальном обществе значительное влияние элиты на пространство связывается с образованием новых сфер коммуникаций и управленческой деятельности. Главное причина этого – это образование новых рынков и в центре, и в регионах. Речь идет о таких рынках, как шоу-бизнес, медийные рынки, информационные рынки, рынки развлекательных услуг и т. д. Связи с этим диапазоном влияния региональных элит (на уровне как полупериферии, так и периферии) открыли им новые зоны социальных интересов и соответствующие им траектории элитного влияния. Но что следует признать изначально, так это тот факт, что среди элит наибольшим влиянием и разнообразием применяемых в защите

социальных интересов, безусловно, обладает экономическая элита. Сила ее влияния подкрепляется сращиванием с финансовыми элитами и сильными рычагами давления на продвижение не только региональных интересов, но и собственных.

Согласно модели взаимодействия властных элит (Г. Моска и Э. Шилз называли их правящими), их влияние перекликается с концепцией «центр – периферия» Э. Шилза. По теории Э. Шилза центр олицетворяет часть общества, «...в руках которой сосредоточена власть», а периферию – «глубинка, над которой эта власть осуществляется». В определенном смысле центр еще определяется как и «царство идеалов и ценностей» (Shils, 1961. P. 117–118).

В этом контексте можно сказать, что центр в системе взаимодействия с региональной периферией и полупериферией действительно защищает свои ценности и идеалы как символы государственной власти и нормы строгого распределения бюджетных средств, в зависимости от экономических ресурсов и возможностей развития обоих типов регионов. Режим экономии, соблюдаемый центром, естественно, вызывает определенное недовольство со стороны региональных элит. Как показывает история, «борьба за металл», т. е. финансовый капитал, всегда сопровождала и будет сопровождать развитие отношений центра и периферии.

История взаимоотношений центра и периферии во всех странах, как и в целом в мир-системе, сопровождается борьбой за ресурсы. Причем не столько за человеческие, сколько прежде всего за финансовые, монетарные. Как известно, «деньги любят тишину», поэтому лоббистские методы отстаивания региональными элитами своих социальных интересов являются наиболее распространенными. В России лоббизм является политическим и экономическим инструментом влияния. Он может рассматриваться тройко: как социальное явление, как социальное действие и как социальный инструмент (технология), реализация индивидуальных и корпоративных интересов. И хотя лоббизм в российской политической практике официально не признан, тем не менее методы и социальные технологии лоббистского влияния постоянно совершенствуются, проникают все глубже в разные системы управления и влияния.

Социологические исследования позволяют выделить динамику общественного мнения относительно взаимоотношений федерального центра и самих регионов (рис. 2). Распределение ответов респондентов демонстрирует, что проблемы в этой плоскости были, есть и, вероятно, будут. При этом надо отметить, после 2002 г. (3 %) центр активизировал политику в интересах регионов, однако уже после 2008 г. дальнейшее

распределение ответов в целом не носит каких-либо экстремальных флуктуаций.

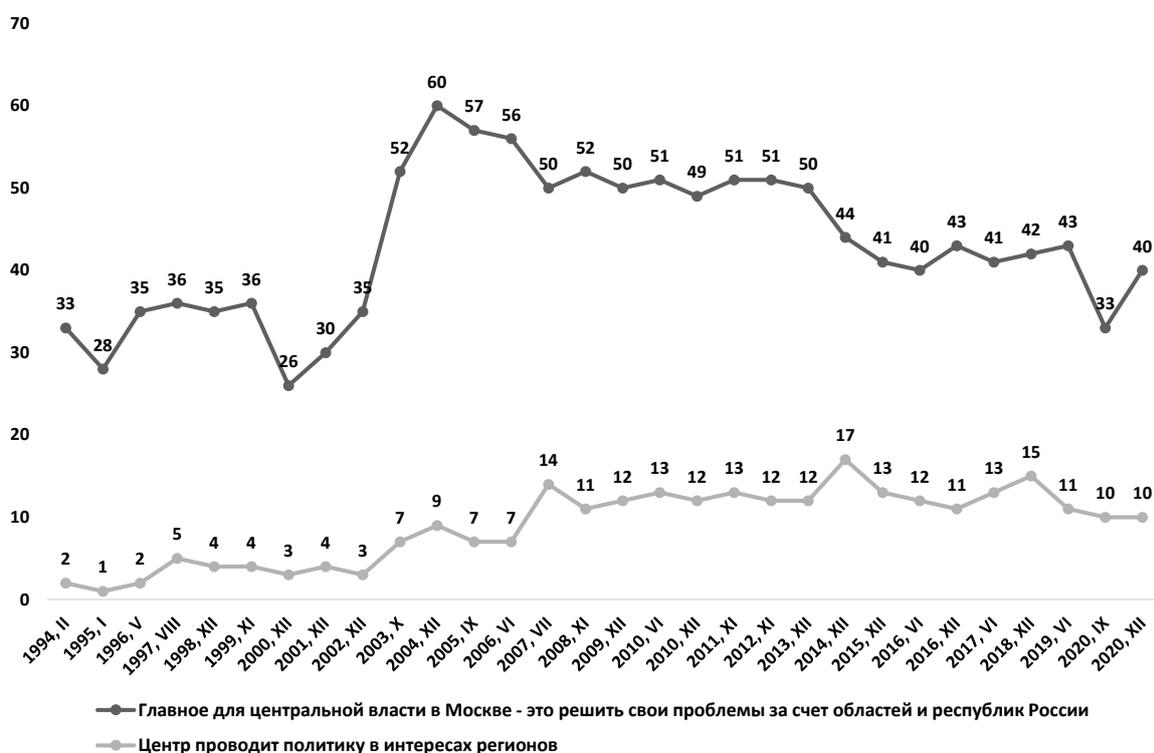

Рис. 2. Суждения респондентов о жизни в стране (РФ), % от опрошенных¹

Если обратиться к эволюции общественного мнения на протяжении 1994–2020 гг., то можно выделить несколько реперных точек, в которых ломается траектория анализируемого процесса. Причем эти реперные точки есть и в позитивных, и в отрицательных плоскостях траектории изменений общественного мнения о жизни в стране.

Две наиболее яркие реперные точки показывают резкое изменение (как негативное, так и позитивное) мнения россиян о стране. Самый критичный уровень отмечен в 1999 г. Учитывая, что этот период смены политической власти (президентские выборы), когда накал негативного отношения к властным институтам в России достигал наивысшей точки, о какой-либо эффективной лоббистской деятельности в защите региональных интересов говорить практически не приходилось. Это был период отсутствия полупериферии и фактически прямой конфронтации центра и целого ряда российских регионов.

Как показывает динамика оценочных суждений россиян, после 2002 г., когда центр начал активизировать политику в интересах регио-

¹ Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

нов, позитивная реперная точка в оценках жизни в стране сфокусировалась на 2008 г. Однако мировой финансовый кризис 2007–2008 гг. сбил позитивную динамику. Фактически восстановления позитивной динамики общественного мнения о жизни в России больше не было. К мировому финансовому кризису добавился кризис 2014–2015 гг., вызванный введением санкций против России на фоне событий на Украине. И наконец, дополнительным поводом появления нового отрицательного репера явились 2019–2020 гг., связанные с мировой пандемией COVID-19.

Неформальный лоббизм региональной периферии и его социальные практики. Категория «социальные практики» не является категорией, применимой только к деятельности региональных элит или органов регионального управления. Являясь производной от категории «практика», социальные практики с позиции социологического подхода всегда имеют социальное содержание, непосредственно связанное с деятельностью социальных групп и технологий применения.

Именно поэтому мы рассматриваем социальные практики неформального лоббизма как определенный прием лоббистской деятельности и навыки ее осуществления с целью защиты и продвижения конкретных социальных интересов представителей региональной элиты. Сразу заметим, что речь идет не о социальных технологиях или методах. Согласно интерпретации категории «социальные практики» П. Бурдьё и Э. Гидденсом, можно прийти к выводу о разных акцентах, которые делают эти социологи. Например, П. Бурдьё в качестве субъекта практик рассматривает агента, наделенного особыми формами и компетенциями, то, что называет «практическим чувством, которое может выступать инструментом практической экономики» (Бурдьё, 2001).

Э. Гидденс же делает акцент на пространственно-временных характеристиках развития социальных практик, т. е. их зависимости от факторов территориальных и временных (Giddens, 1984). Социальные практики в контексте глобализации приобрели конкретные формы регионализации. Э. Гидденс, например, выделяет рутинные социальные практики (обыденные, повседневные) и социальные практики «в определенных пространствах и в конкретное социальное время».

В своем анализе мы отдаем предпочтение интерпретации категории «социальные практики» с позиций Э. Гидденса. В таком контексте социальные практики неформального лоббизма – это вид социальных действий, приемов, реализации определенных навыков в экономической, политической и социально-управленческой сферах, которые активно применяются региональными элитами с целью получения определенных привилегий или финансово-экономической помощи от центра. Одной из

важнейших форм такой помощи являются дотации для регионов. Однако таких данных в отрытой форме практически нет, а потому не предоставляется возможным осуществить научную классификацию сформировавшихся к настоящему времени социальных практик, неформального лоббизма.

Само определение «неформальный лоббизм» говорит о том, что, во-первых, лоббирование не является в России тем институциональным понятием и той институциональной практикой, которые официально признаются. Известно из мировой практики, что лоббирование может осуществляться «...различными организациями, в том числе частными фирмами, торговыми ассоциациями коммерческих компаний, ассоциациями профессионалов, таких как врачи или юристы, профсоюзы, гражданские или общественные группы (часто именуемые как НПО или гражданское общество), правительствами, вплоть до церквей, и благотворительными организациями» (Nownes, 2017. P. 5). При этом сам «неформальный лоббизм (внеинституциональный) лоббизм обладает значительным “энергетическим” и продуктивным потенциалом, позволяющим отдельным сообществам, корпорациям и организациям продвигать (продавливать) свои интересы быстрее и с большим результатом, чем это допускают институты» (Левичева, 2021. С. 54).

Однако российской реальности больше соответствует интерпретация лоббизма «...как деятельности, направленной на изменение существующих правил или политики, с целью приобретения индивидуальных выгод. При этом индивидуальная выгода может иметь вид преференциального доступа к кредитам, государственным гарантиям, привилегированного доступа к лицензиям или закупкам» (Doing More for Less, 2019; Fisman, 2001; Johnson, 2003; Faccio, 2006; Goldman, 2013; Acemoglu, 2016). Разница в том, что вся эта деятельность в России осуществляется в отсутствие соответствующей законодательной базы, налогового администрирования и регулятора лоббистской деятельности.

Не секрет, что лоббизм в России де-факто (но не де-юре) развивается давно. Но речь до сих пор приходится вести о неформальном лоббизме как синтезе конкретных социальных практик, направленных на продвижение определенных влиятельных групп регионального уровня. Причем заметим: деятельность этих групп может носить вполне легальный характер.

Встает ряд исследовательских вопросов, связанных с анализом социальных интересов регионов, их экономических, социальных возможностей, специфики сфер развития, внутрирегионального распределения ресурсов, включая дотационные. Пытаясь ответить хотя бы на часть по-

ставленных вопросов, было проведено социологическое исследование «Конфликтогенность стратификации гражданского общества, ее риски и угрозы региональной стабильности»¹ (научный руководитель проф. Г. Силласте, Финансовый университет при Правительстве РФ).

Исследование носило поисковый характер, его базу составили результаты экспертного опроса с распределением показателей по элементам социально-территориальной структуры, представленной регионами – участниками экспертного опроса. Отбор и группировка показателей осуществлялись не по отдельным социально-территориальным и региональным признакам, а по введенному (согласно авторской концепции, по детерминантному признаку: уровню экономической самостоятельности регионов). Таким образом регионы были разделены на две типологические подгруппы: регионы-доноры, т. е. экономически самостоятельные регионы, и дотационные регионы (экономически зависимые)². Квота экспертной группы – 16 единиц в каждом регионе (согласно карте распределения экспертов)³.

В ходе исследования был проведен контент-анализ целей, задач, миссий, общественных и деловых организаций (Ассоциация российских банков, Ассоциация региональных банков, «Деловая Россия», Общероссийский народный фронт, «Опора России», Российский союз промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленная палата РФ).

По итогам контент-анализа выделен набор универсальных социальных практик, классифицированных по степени влияния на институты: *власть, общественное мнение, экспертное сообщество*.

Размышления над итогами социологической диагностики. Экономическая специфика зависимых (дотационных) районов, как показало исследование, заключается в том, что экономика этих регионов, как правило, не обладает экспортными ресурсами (нефть, газ, энергетика, металл и др.). В условиях сырьевой модели это существенно снижает их социальную,

¹ Исследование выполнено в рамках реализации НИР по теме «Социально-политические проблемы согласования страт современного гражданского общества в регионах Российской Федерации (утверждено заместителем председателя Правительства Российской Федерации от 07.03.2017 № 1508п-П17). Эта группировка основывается на данных региональной классификации 2018 г., т. е. до эпидемиологического кризиса – COVID-19.

² Среди дотационных: ЦФО (Ивановская область, Воронежская область), ЮФО (Ростовская область, Волгоградская область). Среди регионов-доноров: ЦФО (Ярославская область, Калужская область, Московская область) и ПФО (Самарская область). Эта группировка основывается на данных региональной классификации 2018 г., т. е. до эпидемиологического кризиса – COVID-19.

³ Типологически выделено 5 экспертных групп: государственное/муниципальное управление, бизнес, политическая партия, НКО, СМИ. Суммарная выборка – 128 единиц.

производственную и инвестиционную привлекательность. По мнению экспертов, наиболее значимыми отраслями для социально-экономического развития регионов являются «аграрная и агропромышленная» (мнение 70,8 % экспертов) и «торговля и другие сферы услуг» (позиция 50 % экспертов). Это узкое ресурсное поле дотационных регионов объективно влияет на финансовое обеспечение региональной экономики.

Ареал экономически самостоятельных регионов (регион-доноров) обеспечивает их развитая ресурсная и производственная база, позволяющая этим регионам иметь профицитный бюджет. Отраслями наиболее значимыми для социально-экономического регионального развития, по мнению экспертов, являются «аграрная и агропромышленная» (67,3 % экспертов) и «обрабатывающая промышленность» (61,2 % экспертов). Наличие сырьевых и производственных ресурсов формирует финансовую платформу развития, позволяя этим регионам осуществлять относительно бесконфликтную реализацию социальных интересов разных групп населения в своих регионах и сохранять экономическую стабильность.

В сложившихся экономических условиях реализация региональных социальных интересов зависит не только от статусно-ролевой дифференциации властно-бюрократических и социальных групп, но и от изменений глобальной экономики. Одним из внешних объективных факторов реализации социальных интересов в регионах стали антироссийские экономические санкции. Они оказали влияние на уровень жизни всех слоев занятого населения, а также наемных работников, высококвалифицированных специалистов, не говоря уже о социально уязвимых группах (пенсионеры, молодежь, инвалиды и др.).

В связи с этим обратимся к комментариям экспертной группы: *«Санкции, введенные странами Запада, на мой взгляд, оказали негативное влияние почти на все сферы жизни, это привело к росту цен практически на все товары, сокращению рабочих мест, массовому увольнению людей, следовательно, росту уровня безработицы в регионе»; «Массовое сокращение рабочих мест» (Волгоградская обл.); «Негативно сказалось на экономической ситуации в регионе»; «Кризис негативно сказывается на местных властях» (Калужская обл.); «На экономическое состояние в регионе большее, чем санкции, влияние оказывает внутренняя экономическая политика» (Ростовская обл.); «Трудоспособное население работает вахтовым способом в регионах-донорах» (Ивановская обл.).*

Будем оставаться диалектиками и отметим противоположные суждения региональных экспертов о влиянии экономических санкций на

российскую экономику. Прежде всего, отмечается их позитивное воздействие на развитие отечественной промышленности, в частности, выделение финансовых ресурсов на те виды деятельности, до которых государственные субсидии не доходили даже на этапе межведомственного обсуждения, а также изменения в регулировании промышленной политики. Приведем ряд высказываний экспертов: *«Санкции позитивно сказались на уровне производства»* (Калужская обл.); *«В целом ввиду санкций увеличилось производство на ряде предприятий, выпускающих продукцию, попавшую под санкции. Работающее население получило дополнительную работу»* (Ярославская обл.); *«Мне кажется, влияние введения санкций на политические и экономические процессы в стране сильно преувеличено»* (Московская обл.); *«Большого влияния данный факт на жизнь и деятельность обычных людей не оказал. Малый и средний бизнес, работающий с иностранной валютой, конечно, пошатнулся, причем в разные стороны. Про крупный бизнес могу судить, опираясь только на информацию СМИ»* (Самарская обл.); *«В регионе ранее преобладала позиция равнодушия населения к политическим, экономическим и прочим вопросам. Но сейчас ситуация постепенно меняется в сторону активности населения»* (Ростовская обл.).

В условиях, когда одна часть населения извлекает выгоду, а другая испытывает потери и трудности из-за вынужденной смены вектора экономической политики, крайне важно добиться в регионах баланса социальных интересов. Для этого требуется коррекция социальных действий в продвижении региональных социальных интересов.

Анализ открытых вопросов анкеты позволил выделить факторы, особенно препятствующие конструктивной работе между центром и регионами. Все 3 продиагностированных фактора носят экономический характер – это факторы фискальный, инвестиционный и управленческий. Эта триада факторов, препятствующих эффективной защите региональных интересов, в определенном смысле говорит о спящем конфликте, который обусловлен несогласием ряда региональных элит с реализуемой экономической политикой на местах. Надо отметить, что комментарии экспертов концентрируются на вопросах стратегического государственного управления.

Что стоит за фискальным фактором? Прежде всего, распределение финансовых ресурсов, формирование паритетных взаимоотношений между федеральным центром и регионами. Ситуация усложнилась в результате ухода-отхода от Бюджетного кодекса 1998 г., при котором все доходы по налогам между федеральным центром и регионами распределялись в пропорции 50:50. Эксперты прямо заявляли: *«Все наши налоги*

забирает федеральный бюджет» (Ярославская обл.); «Ситуация определена бюджетным законодательством» (Ярославская обл.); «Нагрузка на бюджет по социальным и инфраструктурным обязательствам (культура, образование, ЖКХ) выше, чем собственные доходы бюджета» (Ивановская обл.); «Низкий уровень доходов регионального бюджета» (Воронежская обл.); «Нерациональное распределение налогов между Федерацией и регионом/муниципалитетами, неэффективная экономическая политика последние 4–5 лет руководителей региона» (Самарская обл.); «В нашем регионе скорее искусственная дотационность за счет налогов» (Воронежская обл.); «Специфика расчетов с федеральным центром» (Ростовская обл.).

Что стоит за инвестиционным фактором? Дотационные регионы в попытках получить дополнительное финансирование активно модернизируют территории своих регионов, стараются привлекать бюджетные заимствования в рамках инфраструктурных проектов. Некоторые руководители, обладающие деловой хваткой, работают над инвестиционным климатом. Однако объем направляемых в них финансовых вливаний несопоставим с экономически самостоятельными регионами (донорами). Конкретный пример: объем инвестиций в нефинансовые активы в 2021 г. (январь – декабрь) составлял в экономически зависимых регионах (Ивановская, Воронежская, Ростовская и Волгоградская области) 534 млрд 835 млн р., в то же время в экономически самостоятельных регионах (донорах) – 1 трлн 243 млрд р.¹

Отсюда вполне понятны предложения региональных экспертов: *«Нужен дополнительный поток инвестиций» (Воронежская обл.); «Нехватка инвестиций в наш регион, отсутствие производителей, низкий уровень доходов» (Воронежская обл.); «Не вполне эффективная инвестиционная политика правительства области» (Ростовская обл.); «Регион нуждается в инвестировании, чтобы улучшить ситуацию в сфере промышленности и производства» (Волгоградская обл.).*

Как связан управленческий фактор с экономической зависимостью регионов (их дотационностью)? Вот что по этому поводу думают эксперты: *«Ситуация объясняется тем, что для Москвы в приоритете свои интересы, нежели развитие регионов. Необходимо менять структуру экономики» (Ростовская обл.); «Умышленный перевод региона из доноров в дотационный, поскольку для действующего губернатора это традиционный еще по Мордовии способ привлечения средств из федерального в региональный» (Самарская обл.); «Возможно, руководство*

¹ Инвестиции в нефинансовые активы. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33642>.

региона устраивают безвозмездные средства из госбюджета для поддержания местного производителя» (Воронежская обл.); «Остановка работы многих предприятий, предприятия под склады» (Воронежская обл.); «Угробили все виды промышленности, которые дают прибыль. Предприятия позакрывали: станкозавод, изготовление самолетов и их запчастей замирает, сельское хозяйство угробили» (Воронежская обл.); «Неэффективное использование ресурсов» (Ярославская обл.); «Некорректное распределение ресурсов» (Воронежская обл.); «Спад в производстве, некорректные управленческие решения» (Волгоградская обл.); «Дотационным быть выгодно» (Ростовская обл.).

Следует обратиться к оценке экспертами уровня экономической стабильности в регионах экономически зависимых и независимых. Может показаться странным, но, по оценкам экспертов, экономическая стабильность в регионах экономически зависимых, уровень стабильности оцениваются выше (48,6 %), чем в экономически независимых (донорах) – 33 % – и это не все.

Угрозу расширения масштабов безработицы отметили 50 % экспертов, тогда как в регионах-донорах этот показатель оценивается на уровне 43,1 %. Что касается рисков повышения цен, то он значительно выше в экономически зависимых регионах (76,8 %), чем в регионах-донорах (51 %). И наконец, относительно проявления протестных акций, имеющих под собой социальную почву (акции недовольства заемщиков и дольщиков). Если такая вероятность в экономически зависимых регионах составляет 28,6 %, по оценкам экспертов, то в регионах экономически самостоятельных – на 10 % меньше (17,6 %).

Таким образом, фактор экономической самостоятельности (или зависимости регионов) оказывает большое влияние на уровень как социальной, так и экономической стабильности.

По оценкам экспертов, у представителей крупного бизнеса и чиновников экономически зависимых регионов имеется значительно больше возможностей влияния на общественное мнение, чем в регионах-донорах. Важное место в социальных практиках неформального лоббизма социальных интересов занимают маркетинговые практики, в том числе маркетинговые исследования. По мнению британского социолога К. Крауча, «“сердцем” неолиберального проекта является процесс маркетинга, расширения сфер, в которых устанавливаются рыночные отношения» (Крауч, 2016. С. 43).

В какой мере лоббистские группы используют маркетинговые практики как один из видов социальных практик? Сравним оценки региональной элиты регионов дотационных и регионов-доноров. Разница в

частоте обращения к этому виду социальных практик безусловно есть. Более активно к ним прибегают экономически зависимые (дотационные), в них наиболее активное применение практик отмечается среди госслужащих – 83 % (в регионах – на 17 %) (рис. 3).

На втором месте по частоте обращаемости к данным практикам в дотационных регионах 3 категории объектов: крупный бизнес, силовые структуры, малый и средний бизнес (которые в равной степени по 67 % активно используют эти практики), но в регионах экономически независимых такого сплочения при использовании этой социальной практики нет. В этой группе регионов (как отмечалось выше) использует маркетинговые исследования как практику при защите социальных интересов преимущественно крупный бизнес (60 %). Несколько реже малый и средний бизнес – 47 %, еще реже представители силовых структур – 27 %. Особое отношение к применению маркетинговых исследований как социальной практики в защите социальных интересов отмечается среди высококвалифицированных специалистов. В экономически независимых регионах к этому виду социальной практики прибегают и часто до 40 % высококвалифицированных специалистов.

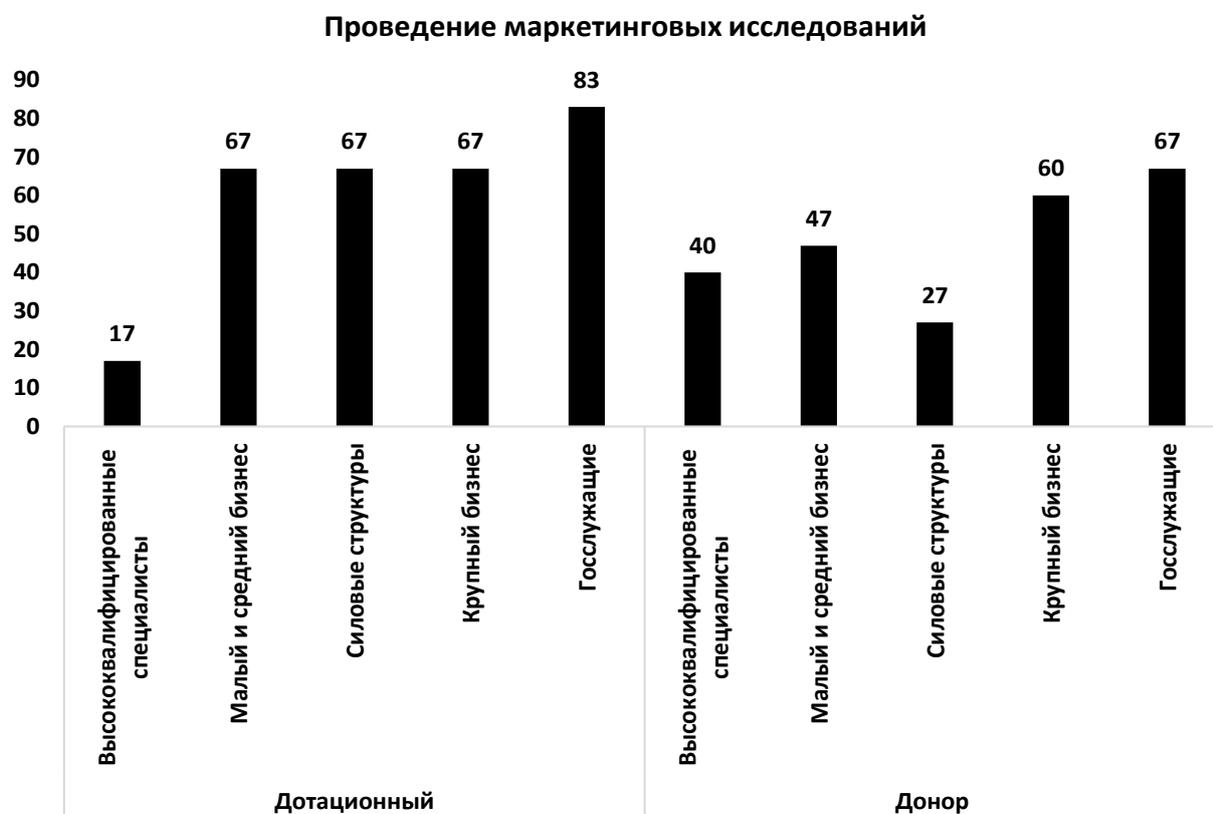

Рис. 3. Социальные практики в структурах и организациях в сфере общественного мнения (высокая степень использования), %

В экономически зависимых регионах это делают лишь 17 % высококвалифицированных специалистов. Нами не анализировались причины столь разного отношения высококвалифицированных специалистов к применению маркетинговых технологий в защите социальных интересов – это предмет отдельного анализа. Но в качестве рабочей гипотезы можно предположить, что в условиях интенсивной цифровизации, влияющей на каналы ретрансляции информации, маркетинговые технологии в доказательстве и защите социальных интересов будут использоваться все активнее, особенно крупным бизнесом. Более того, такую практику все с большей интенсивностью будет использовать средний и даже малый бизнес. Оперативность и гибкость маркетинговых технологий позволяют в изучении и защите социальных интересов усиливать доказательность ущемления тех или иных социальных прав групп потребителей.

Роль своего рода арбитров в защите социальных интересов все активнее принимают на себя экспертные сообщества. В анализе социальных практик, использующихся в качестве негласных управленческих механизмов неформального лоббизма, отмечается влияние экспертного сообщества. Его влияние на формирование конечных позиций относительно той или иной инициативы региона весьма велико. Фактически экспертное сообщество можно рассматривать как мозговой центр (think tank) управленческой деятельности.

Основная функция экспертного сообщества – это подготовка компетентного обоснования (социального, финансового, правового и т. д.) для регионального управленческого органа с целью реализации более эффективного решения в защите социальных интересов, что, к сожалению, случается далеко не всегда. Базовым ядром экспертного сообщества могут быть учреждения науки (РАН, образовательные организации (университеты в первую очередь)), а также крупные отраслевые институты, академии, крупные фонды (даже корпорации), но в этом ряду важное место сегодня занимает и такой институт гражданского общества, как некоммерческие, общественные организации (НКО).

Дело в том, что статус этих организаций за последнее десятилетие сильно изменился, возросла не только их социальная активность, но и профессиональный уровень НКО. Сегодня среди них высокий процент руководителей имеют не только высшее образование. Это еще и люди, активно совмещающие высокий профессиональный статус (кандидаты, доктора наук) с социальной активностью в жизни общества регионов. И это подтверждают результаты исследования. Так, наиболее активно используют возможности движущей силы НКО для защиты социальных интересов населения именно высококвалифицированные специалисты

(27 %), прежде всего в регионах экономически независимых. Однако этого никак не скажешь (как подтверждают результаты исследований) об активности применения движущей силы НКО высококвалифицированными специалистами в экономически зависимых регионах. В них лишь 36 % прибегают к этой практике – и то в слабой мере.

В условиях глобализации все большее значение приобретает субъектность НКО, усиление их влияния на право выражения и защиты социальных интересов разных групп населения (предпринимателей, женщин, социально инклюзивных групп, мигрантов и т. д.). Эта тенденция все активнее будет проявляться в российском обществе, в том числе и в российских регионах. По сути, сама деятельность НКО, их субъективность воздействия приобретают характер действенной социальной практики в защите социальных интересов различных слоев общества. Возрастающий авторитет и влияние НКО расширяют их возможности лоббистского воздействия в продвижении социальных интересов конкретных социальных групп. И эта тенденция в условиях глобализации будет усиливаться.

Подведем некоторые итоги. Проблема защиты социальных интересов на всем региональном пространстве России (будь то периферия, полупериферия или центр) – это проблема многовекторная и полифункциональная. Ее можно рассматривать на разных уровнях: мегауровень (в масштабах развития глобальной экономики), где субъектами выражения интересов выступают государства разных мир-систем. В этом случае результатом агрессивной защиты социальных интересов могут стать военные конфликты. Можно анализировать защиту интересов и лоббистское влияние и на макроуровне. Тогда предметом рассмотрения будут различные территориальные государственные образования, объединенные в международные сообщества. И, наконец, пространством защиты социальных интересов могут выступать региональные сообщества (социально-территориальные сообщества, в данном случае – российские).

Если рассматривать страновой экономической ландшафт и отношение между регионом и центром, то во всех случаях механизм неформального лоббизма как элемент скрытого управления процессами в интересах конкретных групп конкретных территорий будет действующим и активно применимым. Отличаться будет лишь степень массированности своих действий, учитывая масштабы отстаиваемых монетарных, финансовых и политических интересов.

Мы рассмотрели процессы именно на данном уровне взаимодействия центра – периферии – полупериферии. Как показал анализ, этот теоретико-практический подход может быть развит в дальнейших ис-

следованиях. В его основе – авторская попытка отойти от традиционного социально-стратификационного подхода по элементам социальной группы и вести критерий социально-экономической дифференциации регионов по уровню их экономической независимости в своем развитии, учитывая критерии дотационности или, напротив, донорства российских регионов. Такой критерий позволяет использовать принципы экономической социологии в анализе неформального лоббизма как социального явления, развивающегося в России не только в сфере политики, но и шире – в системе социального управления региональным развитием и его социологической диагностики.

Методы социологической диагностики, использованные в исследовании, позволили определить наиболее распространенные социальные практики неформального регионального лоббизма. Такими практиками можно считать управление формированием общественного мнения, маркетинговые технологии, экспертные сообщества, НКО, авторитет индивидуального влияния, экономические санкции, фискальное давление и манипуляцию инвестициями, влияющими на создание инвестиционного климата в регионах.

В этом ряду не следует забывать еще один традиционный практический инструмент влияния на сознание, поведение, престижность, авторитет и влияние конкретных руководителей – это средство массовой информации и коммуникаций, которые стали действенным инструментом в лоббировании интересов в широких масштабах и с сильным эффектом воздействия. В результате они могут не только выступать защитником социальных интересов той или иной социальной группы, но и мощным «дискредитатором» органов власти и конкретной личности. По сути, можно говорить о социальной практике социопсихологического давления. Оно вкупе с использованием маркетинговых технологий и учетом масштабов медийного пространства в условиях глобализации и цифровизации приобрело как конструктивное, так и деструктивное воздействие, способное сказываться на состоянии практически всех рынков, обеспечивающих жизнеспособность всех регионов.

С одной стороны, практики регионального неформального лоббизма с большей активностью применяются в экономически независимых регионах (донорах), что, по всей вероятности, связано с более масштабными ресурсами этой группы регионов и большей свободой оперирования ресурсами, их распределением и перераспределением более сильно развитым институтом государственно-частного партнерства. В то время как, с другой стороны, практики неформального лоббизма в процессе

дальнейшего развития глобализации модифицируют свои формы и усиливают субъектность коммерческих структур как акторов.

Литература

Бестужев-Лада И. В. Экспертный сценарно-прогностический мониторинг: принципы организации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 100–104.

Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.

Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

Волков Ю. Ю. Социальная субъектность финансистов в российском обществе / под ред. Г. Г. Силласте. М.: РУСАЙНС, 2015.

Галас М. Л., Силласте Г. Г., Шатилов А. Б. Согласование интересов страт современного гражданского российского общества – основа социальной стабильности. М.: Прометей, 2019.

Доверие институтам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/>.

Есть ли будущее у капитализма? / сб. ст. И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна; пер. с англ.; под. ред. Г. Дерлугьяна. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

Крауч К. Как сделать капитализм приемлемым для общества / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

«Куда идешь, Россия?» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://xn--h1aauh.xn-p1ai/product/%D0%BA%D1%83%D0%B4%D0%B0-%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%88%D1%8C-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F->

References

Bestuzhev-Lada, I. V. (1993). Expert scenario-predictive monitoring: principles of organization. *Sociologicheskie issledovaniya*, 8, 100–104. (In Russian).

Bourdieu, P. (2001). Practical meaning. Trans. from French: A. T. Bikbov, K. D. Voznesenskaya, S. N. Zenkin, N. A. Shmatko; Resp. ed. trans. and Epilogue N. A. Shmatko. Saint Petersburg: Aletejya Publ. (In Russian).

Bourdieu, P. (2007). Sociology of Social Space. Trans. from French; trans. resp. ed. N. A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii; Saint Petersburg: Aletejya Publ. (In Russian).

Wallerstein, I. (2001). Analysis of world systems and the situation in the modern world. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga Publ. (In Russian).

Volkov, Yu. Yu. (2015). Social subjectivity of financiers in Russian society. In G.G. Sillaste (Ed.). Moscow: RUSAJNS Publ. (In Russian).

Galas, M. L., Sillaste, G. G., Shatilov, A. B. (2019). Coordination of the interests of the strata of modern Russian civil society is the basis of social stability. Moscow: Prometej Publ. (In Russian).

Trust in institutions. Available at: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/>. (In Russian).

Is there a future for capitalism. (2015). Collection of articles I. Wallerstein, R. Collins, M. Mann, G. Derlug'yan, K. Calhoun. Trans. from English. In G. Derlug'yan (Ed.). Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. (In Russian).

Krauch, K. (2016). How to make capitalism acceptable to society. Trans. from English Yu. Kapturevskij; scientific ed. A. Smirnov. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russian).

Where are you going, Russia? Available at: <http://xn--h1aauh.xn-p1ai/product/%D0%BA%D1%83%D0%B4%D0%B0-%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%88%D1%8C-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F-%D1%8D%D0%BA%D1%81%D0>

%D1%8D%D0%BA%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81/.

Левичева В. Ф. Институциональные и неформальные практики лоббизма: проблема разделения и интерпретации // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 50–60.

Маркин В. В., Воронов В. В. Малые города России: экспертное измерение государственной политики // Власть. 2019. № 6. С. 104–109. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6835>.

Примаков Е. М. Россия. Надежды и тревоги. М.: Центрполиграф, 2016.

Социологический энциклопедический словарь : на русском, английском, немецком, французском и чешском языках. М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1998.

Doing More for Less? New Evidence on Lobbying and Government Contracts. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/08/09/Doing-More-for-Less-New-Evidence-on-Lobbying-and-Government-Contracts-46893>.

Fisman R. Estimating the Value of Political Connections // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91 (4). P. 1095–1102.

Johnson S., Mitton T. Cronyism and capital controls: evidence from Malaysia // *Journal of Financial Economics*. 2003. Vol. 67 (2). P. 351–382.

Faccio M. Politically Connected Firms // *American Economic Review*. 2006. Vol. 96 (1). P. 369–386.

Goldman E., Rocholl J., So J. Politically Connected Boards of Directors and The Allocation of Procurement Contracts // *Review of Finance*. 2013. Vol. 17. P. 1617–1648.

Acemoglu D., Johnson S., Kermanic A., Kwak J., Mitton T. The value of connections in turbulent times: Evidence from the United States // *Journal of Financial Economics*. 2016. Vol. 121. P. 368–391.

Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1984.

Nownes A. Lobbying: The preconditions of an anti-corruption promise. Available at: <https://www.cmi.no/publications/file/6269-lobbying-the-preconditions-of-an-anti-corruption.pdf>.

%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81/.
(In Russian).

Levicheva, V. F. (2021). Institutional and Informal Lobbying Practices: the Problem of Separation and Interpretation. *Sociologicheskie issledovaniya*, 10, 50–60. (In Russian).

Markin, V. V., Voronov, V. V. (2019). Small towns of Russia: expert measurement of state policy. *Vlast'*, 6, 104–109. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6835>. (In Russian).

Primakov, E. M. (2016). Russia. Hopes and Worries. Moscow: Centrpoligraf Publ. (In Russian).

Sociological Encyclopedic Dictionary. (1998). In Russian, English, German, French and Czech. Moscow: INFRA-M – NORMA Publ. (In Russian).

Doing More for Less? New Evidence on Lobbying and Government Contracts. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/08/09/Doing-More-for-Less-New-Evidence-on-Lobbying-and-Government-Contracts-46893>.

Fisman, R. (2001). Estimating the Value of Political Connections. *American Economic Review*, 91 (4), 1095–1102.

Johnson, S., Mitton, T. (2003). Cronyism and capital controls: evidence from Malaysia. *Journal of Financial Economics*, 67(2), 351–382.

Faccio, M. (2006). Politically Connected Firms. *American Economic Review*, 96 (1), 369–386.

Goldman, E., Rocholl, J., So, J. (2013). Politically Connected Boards of Directors and The Allocation of Procurement Contracts. *Review of Finance*, 17, 1617–1648.

Acemoglu, D., Johnson, S., Kermanic, A., Kwak, J., Mitton, T. (2016). The value of connections in turbulent times: Evidence from the United States. *Journal of Financial Economics*, 121, 368–391.

Giddens, A. (1984). The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge.

Nownes, A. Lobbying: The preconditions of an anti-corruption promise. Available at: <https://www.cmi.no/publications/file/6269-lobbying-the-preconditions-of-an-anti-corruption.pdf>.

Merton, R.K. Social Theory and Social Structure. Enlarged edition. New York: The Free Press, 1968.

Merton R.K. The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action // *American Sociological Review*. 1936. Vol. 1. P. 894–904.

Shils E. Centre and Periphery // *Ignotus P. et al. Personal Knowledge: Essays Presented to Michael Polanyi on his Seventieth Birthday, 11 March 1961.* London: Routledge and Kegan Paul, 1961.

Для цитирования: Силласте Г. Г., Арутюнян А. С. Социальные практики неформального регионального лоббизма в условиях модели «центр – периферия» // *Гуманитарий Юга России*. 2022.2 (54). Т. 11. С. 27–49. DOI 10.18522/2227-8656.2022.2.2

Сведения об авторах

Силласте Галина Георгиевна

Доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель департамента социологии и научной школы «Гендерная и экономическая социология», Финансовый университет при Правительстве РФ, член научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации РФ

125993, Москва, Ленинградский пр., 49,
e-mail: galinasillaste@yandex.ru

Арутюнян Армен Сергеевич

Старший преподаватель департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ; руководитель направления исследований «Промышленность» и «Информационно-коммуникационные технологии», ООО «Директ ИНФО»

105005, Москва, набережная Академика Туполева, 15/22,
e-mail: armenaru@gmail.com

Merton, R. K. (1968). Social Theory and Social Structure. Enlarged edition. New York: The Free Press, 1968.

Merton, R. K. (1936). The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action. *American Sociological Review*, 1, 894–904.

Shils, E. (1961). Centre and Periphery. *Ignotus P. et al. Personal Knowledge: Essays Presented to Michael Polanyi on his Seventieth Birthday, 11 March 1961.* London: Routledge and Kegan Paul.

История статьи:

Поступила в редакцию – 25.02.2022 г.
Получена в доработанном виде – 06.04.2022 г.
Одобрена – 22.04.2022 г.

Information about authors

Galina Georgievna Sillaste

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director of the Department of Sociology and the Scientific School "Gender and Economic Sociology", Financial University under the Government of the Russian Federation, member of the Scientific and Expert Council under the Chairman of the Federation Council of the Russian Federation

49 Leningradsky Avenue, Moscow, 125993,
e-mail: galinasillaste@yandex.ru

Armen Sergeevich Arutyunyan

Senior Lecturer of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation; Head of Research Division in Industry and Information and Communication Technologies, LLC "Direct INFO"

15/22 Academician Tupolev Embankment, Moscow, 105005,
e-mail: armenaru@gmail.com